

подмеченная писательницей. Кристо — дитя века кибернетики, его внимание привлекают умные машины-автоматы. В доме Натали он окружен ими: Луиджи Петруччи, ее муж, — искусный мастер, он чинит старинные куклы-автоматы и сам может делать такие же. В романе «Душа» описаны сложные заводные игрушки восемнадцатого века — автоматы, забавлявшие королей, вельмож, их фавориток. Все эти игрушки собраны в мастерской Луиджи Петруччи. Луиджи объясняет Кристо, что автоматы нашего времени — это не фокусы, сделанные искусным мастером для потехи, кибернетика приносит реальную пользу человеку. У Луиджи есть своя мечта: сделать идеальный протез для рабочего, потерявшего руку, такой протез, который повиновался бы велению мозга человека, то есть был бы живым, и Луиджи всем своим существом отдается этой мечте.

Кристо тоже мечтает — о человеке будущего, о том времени, когда наука сделает его всеильным и счастливым. Интерес мальчика к автоматам понятен, но бездушные куклы вызывают в нем отвращение. Кристо жаждет понять, что же отличает человека от имитирующих его автоматов. Найти ответ на этот мучивший его вопрос

ему помогает Натали — ежедневно он видит примеры ее человечности, душевной щедрости, это подсказывает ему верное решение. Название романа «Душа» задумано как ключ к этому решению.

Когда Луиджи размышляет вслух, может ли человек создать думающую машину-робота по образу и подобию своему, Кристо с иронией спрашивает: «Ты думаешь, что можно создать искусственную Натали?»

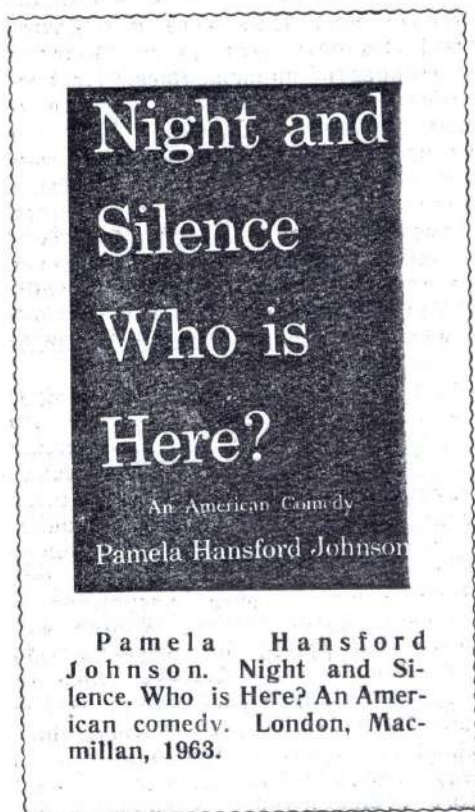
Кончается роман словами уже не мальчика, а юноши Кристо о чуде нашего века — кибернетических машинах: «От них нельзя требовать больше, чем они могут дать». Иными словами — никакая машина не может заменить человеческую душу, человеческий гений.

Новый роман Эльзы Триоле исполнен поэзии и любви к человеку, читая его, проникаешься гуманистическим духом этого произведения.

Возможно, что критики, разбирая роман «Душа», найдут в нем недостатки и откроют новые достоинства. Меня эта книга натолкнула на новые мысли о современности, сегодняшнем дне, о людях Франции и о будущем человечества, и я благодарен за это Эльзе Триоле.

ЛЕВ НИКУЛИН

АМЕРИКАНСКИЙ СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Мэтью Прайр — хорошо известный в лондонских салонах своими связями с лучшими семьями Великобритании — выходит из самолета, прибывшего на американский аэродром Гропиус (штат Нью-Гэмпшир). Он направляется в университетский городок, где в тиши колледжа Кобба трудятся над научными исследованиями американские и приезжие ученые.

Мистер Прайр не успел еще прославиться какими-либо академическими заслугами. Но год в колледже ему обеспечен одним росчерком пера кого-то из влиятельных (и богатых) друзей.

Мэтью голоден. Он провел бурную ночь в Нью-Йорке и утром перед вылетом отказался от завтрака. Но сейчас — в четыре часа пополудни — он полон предвкушения плотного обеда и других возможных проявлений академического гостеприимства. Впрочем, гастрономическая мечта Прайра быстро терпит крушение: старенький форд д-ра Парка (главы корпорации иностранных ученых в колледже Кобба), пытаясь и фыркая, чудовищно долго тянется до места назначения, заглушая неприятное урчанье в желудке Мэтью, отнюдь не гармонирующее с его изяшной подтянутостью. Вместо обеда на территории колледжа Мэтью ожидает осмотр его будущей «берлоги» — кабинета для занятий, — самого колледжа и, наконец, отведенного ему огромного и пу-

СРЕДИ КНИГ

стого особняка, где еще витает дух бывшей владелицы, недавно скончавшейся во время утренней зарядки в возрасте 90 лет. В заключение, когда стрелка часов уже близится к семи, Прайра тащат на визит к ректору, и чаша терпения англичанина переполняется, когда гостеприимная хозяйка предлагает ему бокал кристально чистой воды, извлеченной из холодильника...

Последующие события знаменательного дня разворачиваются столь же печально: академическая столовая уже закрыта, магазины на территории колледжа не предусмотрены, и предоставленный самому себе Прайр вынужден отойти ко сну, удовлетворившись единственным яйцом, случайно оставшимся в холодильнике от его бывшей владелицы.

Так заканчивается первый день Прайра в американском колледже и начинается новый роман Памелы Хэнсфорд Джонсон «Ночь... Молчание... Кто там?», имеющий подзаголовок — «Американская комедия».

Книгу предваряет эпиграф из Шекспира:

Ночь... Молчанье... Тсс! Кто там?
Да не он ли это сам?
Это он, сомненья нет:
По-афински он одет.

(«Сон в летнюю ночь». Акт 2, сцена 2)

Эпиграф этот объясняет и заглавие, и замысел, и, в сущности, весь стиль этой «американской комедии», или американского «сна в летнюю ночь».

В роли наблюдательного и очень лукавого Пэка писательница как бы подсматривает за проделками Прайра в «стране чудес», а заодно и за самой «страной чудес», и за теми своеобразными экспонатами человеческого рода, с которыми приходится в соприкосновение и столкновение герой (а, может быть, скорее «антигерой») «американской комедии».

Приключения Мэтью служат в книге Джонсон источником очень веселого смеха, не иссякающего с первой ее страницы и до последней. Сама Памела Джонсон сообщает: «Моя книга — чистейшая комедия. И задача ее, как и «Сна в летнюю ночь», — позабавить и развлечь». Но роман не вызвал бы к себе такого интереса, если бы за приключениями Прайра в колледже Кобба не ощущалось нечто более серьезное.

Сочетание двух мелодий — одной мажорной, даже бурлескной, другой, звучащей тихо и порой еле слышно, но тем не менее ведущей, и обеспечивает роману успех.

Пребывание Мэтью Прайра в колледже официально оправдано его работой над творчеством декадентской поэтессы Дороти Мерлин. Но «крупнейшему (ибо единственному) знатоку» Мерлин так и не удается пойти дальше первой строки задуманного им исследования. С первых дней в колледже Кобба Мэтью Прайра одолевают заботы о преобразовании системы питания в колледже, об организации на его территории столь необходимого ученым хорошего ресторана, наконец, об улучшении снабжения спиртными напитками. Убедившись, наконец, в том, что лучшим претендентом на пост уходящего в скором

времени на покой д-ра Парка является он сам, Мэтью Прайр направляет всю свою деятельность в соответствующее русло.

Для академических занятий решительно не остается времени. Вынужденный сделать доклад о поэзии Мерлин, он якобы теряет голос и заболевает ларингитом, но его успешно заменяет д-р Корал, английский историк, вынужденная импровизировать перед студентами ученое сообщение «крупнейшего специалиста». Немного времени для занятий, впрочем, и у его ученых коллег — специалиста по славянской филологии мисс Гроби, доходящей до нервного срыва в результате неумеренного употребления виски и бренди; мисс Корал, воюющей против зоолога Хэффлингера (он распускает по колледжу своих подопытных пауков, от которых Корал впадает в истерику); д-ра Тьеполо, трудящегося над раскрытием секрета поэзии Дикинсон, но одолеваемого своим пристрастием к кошкам...

И все идет своим чередом, пока на пути грандиозных замыслов Прайра не встает совсем неожиданное препятствие. Приняв мультимиллионера и опекуна колледжа за несостоятельного адвоката и потребовав у него назад занятые тем деньгами, Прайр совершает роковую ошибку, стоящую ему чудесной синекуры в колледже Кобба.

Но отчаяние «доброе парня», обожаемого американскими дамами-патронессами, длиться недолго. Предложение, сделанное ему в лимузине по дороге в Нью-Йорк сказочно богатой вдовой, искупает все его невзгоды. Мэтью изящно соглашается стать мужем миссис Мерль (в чем та, впрочем, ни на минуту не сомневалась), и отныне благополучие его навеки обеспечено.

Близится к концу «сон в летнюю ночь», но лукавый Пэк оставляет за собой право прокомментировать происшедшее. Превосходный обогреватель новейшей конструкции делает пребывание Джейн и Мэтью в одном из придорожных отелей более чем терпимым: «И он, и миссис Мерль были здесь ограждены от горького и упрямого мира, — замечает автор. — Другие, быть может, мечтают о горячей войне, иные ведут холодные или, еще хуже, прохладные войны...» А Мэтью размышляет о том, «какой опасной могла стать такая разыгравшаяся было вокруг него прохладная война».

Роман «Ночь... Молчание... Кто там?» в гораздо большей мере юмористический, чем сатирический. Но нюансы смеха Памелы Джонсон многообразны, и характер созданных ею образов не так прост, как может казаться поначалу.

Если портреты ученых-чудаков мисс Гроби и мисс Корал, д-ра Хэффлингера и д-ра Тьеполо с их забавными слабостями и индивидуальными «маниями», скорее, веселый шарж, чем типическое обобщение, то иное дело нарисованная картина в целом. Как бы ни были смешны проделки и приключения своеобразного «антигероя», читатель невольно улавливает за ними движение того общественного механизма, ко-

торый делает возможными как «деятельность» Мэтью в американском колледже, так и его победное восхождение на Олимп всеильного доллара. Сатирические интонации тонкого наблюдателя невозможно не уловить в изображении произвола самоуверенных и самодовольных миллионеров (миссис Нэш, миссис Мерль, Уолтерса и других, менее всеильных), которые командуют прессой и радио, подчиняют себе просвещение и науку, склонны рассматривать окружающих людей как средство забавы и развлечения.

Дав согласие на брак с миссис Мерль, Мэтью Прайр предается размышлениям. В них снова звучит голос автора. Прайр «не может еще до конца осознать полноту своего счастья, фантастический характер ожидающего его будущего... На минуту его охватывает печаль и какое-то чувство, похожее на стыд, ощущение того, что за пределами его мира существует другой, и тот мир единственно реальный. Если и дальше повезет, то ему не придется больше сталкиваться с реальной жизнью (да и знал ли он ее?)... Но будет ли он жить в мире с самим собой, сможет ли смотреть себе в глаза, утешаясь тем, что реальный мир, как бы он ни был трагичен, не станет более несчастным потому, что одной маленькой рыбешке удалось выскользнуть из сети...».

Мэтью, видимо, сможет. Но отношение автора к нему и ему подобным очевидно. Добродушный юмор под конец романа все чаще вытесняют интонации грустной иронии. Хотя писательница и не показывает тот «большой и трагический мир», о котором вспоминает Прайр.— «единственно реальный мир» — книга заставляет читателя не только потешаться, но и делать свои выводы, обобщать недосказанное.

Памела Хэнсфорд Джонсон — одаренный прозаик и тонкий стилист. Об этом позволяют судить уже романы «Невозможный

брак» (1954), «Последний ресурс» (1956). Однако во всех книгах, написанных до 1956—1958 гг., Памела Джонсон выступала создателем романа «малой темы», реалистом, но лишь в узких рамках изображения душевной жизни своих всегда немногочисленных персонажей.

За последние годы в творчестве писательницы произошел явный поворот (роман «Невообразимый Скиптон», 1959 год). Поле зрения Памелы Джонсон значительно расширяется, реалистический рисунок становится глубже и убедительней. Издательство Макмиллан, публикуя «Скиптона», рекомендовало книгу как произведение, по преимуществу, комедийное. В действительности «Невообразимый Скиптон» что угодно, но не забавная комедия, хотя автор и демонстрирует здесь большое мастерство в построении юмористических образов и ситуаций.

Образ Скиптона — полунизшего писателя, желчного неудачника, исковерканного жизнью, воспринимается как в высшей степени трагический. Нетрудно заметить, что ответственность за его судьбу возлагается писательницей не на самого Скиптона, а на обстоятельства его жизни. Конфликт «невообразимого» с действительностью — это конфликт, возникший в той «реальной действительности», о которой говорит Мэтью Прайр.

Сопоставляя такие психологические романы П. Х. Джонсон, как «Смирненное создание» или «Последний ресурс», с такими книгами, как повесть о Скиптоне, приходишь к заключению, что горизонт писательницы все больше расширяется, а реалистическое мастерство совершенствуется.

«Ночь... Молчание... Кто там?» — новое свидетельство многообразия творческих возможностей одаренного автора.

В. ИВАШЕВА

